

**ОЛЬГА
КУЗНЕЦОВА**

набор аль

Ольга Кузнецова

Пастораль

«Издательские решения»

2015

Кузнецова О.

Пастораль / О. Кузнецова — «Издательские решения», 2015

Она возвращается — классическая русская литература, написанная чутким языком о современной жизни. Узкоколейка и дрейфующая льдина, проселочные дороги и убранные поля, проклятая пора выборов и выбора — обо всем этом книга Ольги Кузнецовой «Пастораль». Жизнь есть и севернее столицы. Хоть тут порой и заканчиваются дороги, но это не отменяет света над этой землей. И этому теперь ты свидетель. Книга из серии проекта «Том писателей» (Вологодское отделение Союза российских писателей).

© Кузнецова О., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

Солнечная белка	6
Онуфрий	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Пастораль

Ольга Кузнецова

© Ольга Кузнецова, 2015

© творческая группа FUNdbÜRO, дизайн обложки, 2015

Редактор Ната Сучкова

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Солнечная белка

Для меня существовали лишь «вамповые» брюнетки и сиятельные блондинки, такие плакатно-эффектные красавицы – иных я даже не замечал. Дело в том, что женщин я в основном изучал по глянцевым журнальным постерам. И ещё – весь десятый класс мне очень нравилась учительница русского и литературы, но и она была одной из тех, с постера – высокая, худая, носившая строгие пиджаки, под которыми едва могли укрыться яркие майки с глубоким вырезом. Любила она и короткие юбки, я бы их назвал – высокие юбки. Ниже, на бесконечно длинные ноги, я побаивался смотреть. Она учила нас недолго – вышла замуж за актера из модного театра и уволилась из школы. Потом уже кто-то из наших прочитал в интернете, что тот снимается в сериале и крутит роман с очень-очень известной актрисой. Сериала мы еще не видели, а в газетах уже написали, что он с учительницей развелся, но в нашу школу Светлана Владимировна так и не вернулась.

Нюша была рыжая, без всяких там каштановых грив или гладких каре. Выяснилось, она на целый год меня старше – уже отучилась первый год на психолога. Но внешностью она напоминала сельскую школьницу из советских фильмов – челка на глаза и толстая коса. Большой рот в вечной улыбке и крошка-картошка нос. Наверное, таких девчонок и называют курносыми. И веснушек – от уха до уха. Нюша напоминала шаровую молнию – я ее не видал, но представлял именно такой: солнечного цвета. Внезапная, подвижная, а ещё очень смешливая. И эмоциональная – уж если рассердилась на шутку Степана, что явно была «ниже пояса», – так, мне показалось, травы придорожные прилегли...

Таких вот – среди «звезд» на постерах в моей комнате – не наблюдалось, да и в жизни я еще не встречал. Может, поэтому всё и следил за ней – вполглаза – чтобы никто не заметил, а слушал на все сто – впервые всё-таки девчонка рядом, бок о бок со мной круглые сутки.

В машине она сидела за водительским креслом на свернутой палатке, обнимая Серегу за шею. Клала голову ему на плечо или целовала его в затылок, по поводу и без повода. Конечно, она мешала ему управлять машиной. Но он ни разу не проявил неудовольствия – напротив, улыбался всю дорогу и иногда терся щекой о ее руку. Впрочем, особой опасности она нас, может быть, и не подставляла, – наш «раритет» скорость развивал не ахти, а на дороге – чем дальше от Москвы, тем меньше движения...

Во второй день путешествия мы тащились сперва по разбитому асфальту, потом по грунтовке. Карта утверждала, что даже малых городков на нашем пути уже не будет. За стёклами машины изредка проплывали деревеньки, всё беднее и дряхлее. Уже темнело, фары выхватывали однородный лес по сторонам дороги, в салоне свет шел только от пары лампочек на доисторической приборной доске, и я, несмотря на тряску, – автомобиль наш не зря назывался «козлик», прыгал он на любом бугорке, как настоящий козел, – задремал. А проснулся вдруг оттого, что на моих коленях спала Нюша. Её тоже сморило, и она улеглась на заднее сиденье, а голову положила мне на колени. Машина двигалась, Сергей упрямо всматривался вперед, сзади виднелись огни второго «газика». А я, чтобы водитель меня не засек, чуть прикрыв глаза, смотрел на Нюшу.

Измученный Сергей съехал с дороги и сразу же заснул, уронив голову на руль. Прошлую ночь мы ночевали в палатках, а утром долго не могли выехать – ремонтировали вторую машину и вот, к вечеру, пытались нагнать упущенное время. А я всё смотрел, помнится... Меня, как показалось, почти сразу разбудили: нужно завтракать и снова ехать. «Скакать по холмам задремавшей отчизны», как говорила Нюша. Хотя какие холмы – одни колдобины.

Мне показалось, что проснулся я в тот день уже другим человеком. Я теперь точно знал, что ненавижу Сергея – если он взял с собой эту малолетнюю подругу, зачем пригласил и меня? В уверенности, что я не проболтаюсь? Мы с ним соседи – живем в одном подъезде панельной

пятиэтажки. Я хорошо знаком с его женой и, признаться, частенько у них обедаю. Уже совсем не стесняюсь, поедая домашние оладьи и блины – я их люблю, но их терпеть не может печь моя мама. Детей у них нет – может, потому жена Сергея так внимательно ко мне относится?..

Днем раньше я ещё не мог определиться, как относиться к попутчице. Ничего предосудительного Сергей не совершал, но всё же, всё же, всё же... Зачем морочить ей голову? И вдруг я понял, что эта девчонка, не похожая на «суперстар», должна быть моей...

Я даже завтракать сел в сторонке, потому что хотелось обдумать, что со мной происходит. Чтобы никто ничего не понял по моему лицу. Ньюша же сделала замечание в свойственной ей манере: «Хватит хомячить по углам...» Что она такое говорит? По каким таким углам – если кругом одни елки?

День раскошегарился быстро – с самого утра палило солнце, ветерок умер за дальним лесом, дорога из грунтовой стала проселочной, а потом и вовсе превратилась в тропу, которая скрылась в мелколесье. Сначала мы ещё старались ее держаться, принимая хлесткие удары веток, потом кенгурятником рассекали кусты, потом подминали, как на танке, тонкие деревца. Они царапали, скрежетали по днищу машины. Потом уже старались объезжать деревья, что потолще. Потом и объезжать не получалось, и, попетляв, поутюжив кустарник, приходилось выходить из машины и подрубить у самой земли дерево, вставшее на пути...

Потом пошла низина, и лес на глазах становился все чахоточней. Тут мы уж больше шли следом за авто, чем ехали. Машины плевались грязью, вытаскивая друг друга лебедками. Порой приходилось толкать плечом, цеплять крюк за впереди стоящую машину – редко попадалось достойное дерево, за которое можно зацепиться. Здесь мы встретили зайца. Он с удивлением смотрел на наши старания, когда мы отъезжали, он, отковыляв с десятков метров, садился на жесткую болотную траву и снова смотрел – смеялся, наверное, по-заячьи над нами. Ньюше доставалось не меньше, чем другим – она, сжав губы, месила грязь, отказавшись сидеть в машине: «Моя тушка может стать решающим весом». И всё же мы медленно двигались вперед. Когда уже стало казаться, что и краю не будет этим диким местам, зною, гнусу, грязи – колеса вдруг нащупали твердую землю, машины покатались чуть в гору скоро, легко, и километра через три наш караван неожиданно выехал на чистое место. А в ста метрах от кромки леса, как в огромной плоской чаше, мы увидели море. Бледно-зеленое, чуть мутноватое вблизи, раньше бы я сказал, будто забеленное молоком. Теперь бы сказал – такой становится вода в котелке за полминуты до закипания. Она еще не кипит, но со дна поднимаются мелкие пузыри, их становится все больше и больше, вода – все менее прозрачной, и вот – дна не видно. Но море не собиралось кипеть – оно лежало почти неподвижное, без единого паруса, лодки, или корабля, или птицы на горизонте. Наша машина остановилась. Сзади подъехала вторая, и мы, у кого силы кончились еще в середине болота, просто выпали из своих вездеходов. Мне даже показалось, что и прибыли мы не посуху, а морем – земля качалась под ногами. Но спустя минуту я вместе со всеми уже бежал к воде, скидывая заляпанную грязью джинсовку.

Первым – в семейных трусах – заскочил в воду Серега:

– А-а-а-а! – кричал он. Я тоже сгоряча забежал и тоже заорал – едва не в унисон. Однако соленый холод напрочь выбивал из тела воспоминание о жаре, о гнусе, комарах, которые нас просто заели, особенно на последнем отрезке пути.

...Ньюша плескалась в футболке и брюках, тоже что-то кричала. Пожалуй, такой шенячьей радости, как у этих взрослых людей, мне еще в жизни не приходилось видеть. На берегу мы сообща стучали зубами. И в руках Димаса быстренько появилась бутылка водки: «Конец пути, сухой закон отменяется». Да, я впервые не отказался выпить. На пустой желудок водка произвела ядерное действие – внутри стало горячо, потом тепло разлилось по всему телу. Вероятно, меня с непривычки сильно скосило, я видел, как надо мной посмеивается тот же Димас, но ничего поделать с собой не мог, вел себя как дурак – бестолково вертелся рядом с Ньюшей, которая по-хозяйски разбирала продукты. Боже мой, я даже пытался острить! Она,

чтобы я отвязался, молча подала мне банки с тушенкой и консервный нож. Я начал открывать, но неловко, и порезался. Какое-то необычайное свойство у Ньюши – всё очень быстро делать: она мгновенно нашла аптечку, ловко прицепила мне пластырем марлевый тампон, но вместо того, чтобы пожалеть, постучала мне по голове своей маленькой ручкой: «Только попробуй еще водку есть, бамбук ты зеленый!» – и погнала меня за дровами. Я искал сушняк, как оглашенный. Одной рукой хватал сухие стволы, приговаривая почему-то: «бамбук, бамбук», корчевал их и под мышкой тащил к лагерю.

Праздничный обед – суп с тушенкой говяжьей, макароны с тушенкой свиной – открывал Серега. Он поздравил нас с выходом к морю и сказал, что осталось совсем чуть-чуть. Не придерживаясь направления, двигаясь без пути и дороги, мы вышли чуть правее, чем нужно. Слева от нас виднелся полуостров, выходящий в море. Именно туда мы и должны были попасть. На одной из старых карт маленькой башенкой отмечен маяк, вот и хотелось узнать, что же там на самом деле. По прикидкам Сергея – напрямик до мыса не более одиннадцати километров, но сколько реально потребуется проехать, сказать никто не решался. Завтра с утра нам только предстояло разведать – без машин, для экономии топлива – есть ли туда дорога. Вечер прошел у костра – долго пили чай. Степан ушел спать, а Алфей с Димасом таскались вдоль моря и пели песни. Ньюша сидела рядом с Сергеем. Она, по крайней мере, вечером, не очень-то висела на его шее – лишь пару раз чмокнула в затылок да обозвала невежей за то, что он не знал, что такое релаксация. Я видел, что он специально её разыгрывает. А она велась и всерьез объясняла что-то заумное, наверное, из прочитанных книг. Я вдруг почувствовал себя очень счастливым – на краю земли, с забинтованным пальцем, с расчесами от комаров. Единственное, что портило мне праздник, так это боязнь, что Сергей с Ньюшей уйдут вдвоем гулять, как обычно делают парочки, желающие уединиться. Но она вскоре ушла спать в палатку, общую для нас троих, а мы с Сергеем еще долго сидели у костра, но говорили мало – смотрели на огонь да слушали песни, доносившиеся со стороны моря.

Утром Ньюша будила нас: «Вставайте, засони, завтрак готов! Кто опоздает, пусть готовит конфетку мне на стол!..» О Господи, какой стол, какая конфетка! Но мужики вылезали из палаток, послушно шли умываться. Алфей – единственный, кто брился в дороге, скреб себя одноразовой бритвой, смотря в боковое зеркало машины. И вскоре все сидели у костра – четверо взрослых мужиков, припухших ото сна и от вчерашнего спиртного, заросших щетиной – кроме Алфея, разумеется, с руками, в которые вьелась грязь местных топей да мазут старых колёвалов и новых тормозных колодок. И все они, как дрессированные медведи, кормились из рук невысокой девчонки, которая раскладывала кашу по мискам, сдабривала топлёным маслом из жестяной банки и наливала чай в разномастные кружки, похожие друг на друга одним – они наверняка ровесницы автомобилей. Моя эмалированная кружка была новой, но еще на первом привале я специально подкоптил ее на костре. Черный чай заварили со смородиной – её целый веник наломал Серега возле одного из ручьев, которые мы пересекли вброд.

Я знал, что меланхоличный Димас работал системным администратором в солидной фирме, Алфей – совсем уж какой-то «белый воротничок» – брокер на бирже, Степан – менеджер по рекламе. Всех их сбивал в команду Серега, слесарь из автосервиса, с его расположенностью к побегам из дома, с любовью к технике и склонностью помучить себя на комах, а старенький автомобиль – на бездорожье. Честно говоря, я человек не азартный, никогда не смотрел ни футбол, ни хоккей, не знал ни одной фанатской речевки и считал, что не спать до утра из-за матча Аргентины и Ямайки просто смешно. Мне рядом с Сергеем уже стало казаться, что я человек без цели и потому, наверное, без результатов. Для меня главное во всем – сам процесс. Нравилось учиться в школе, но когда одноклассники, жестко определившись, забросили всё, кроме подготовки к ЕГЭ, и натаскивали себя, как гончаки, только на зайца или только на лису, – так говорил нам учитель физики, я продолжал заниматься довольно ровно, в результате получил средние оценки по всем предметам. МГУ мне явно

не светил, мне абсолютно ничего не хотелось, и тут, как шанс еще немного подумать и узнать жизнь, замаячила армия. Вот и хорошо, может, там чего-то пойму. Хотя бы просто – кто я, технарь или гуманитарий. Мне казалось, потребуется от меня – и я смогу, напрягусь и сделаю. Но никому ничего не требовалось. Разве что мать иногда просила прикрутить петлю у старенького шкафа, или сходить в магазин, или даже помыть стекла, когда сама болела. Но это всё мелочи, а когда я пытался спросить о более серьезном, она беспомощно разводила руками: «Ты теперь больше меня знаешь». Эх, если бы у меня был отец!.. Отца я не помню – думаю, что он просто бросил нас, но мать никогда так не говорила, и я тоже не спрашивал, чтобы ее не обижать. И тянулся к Сергею – общительному соседу, который на двадцать лет старше меня и при определенных обстоятельствах мог бы быть отцом. Правда, по характеру он казался совсем уж невзрослым – бегал со своими железками и относился ко мне как к равному. И жена его, крупная молчаливая женщина, в моих глазах – уже пожилая, относилась к нему как к ребенку – со снисходительной заботой.

Я, глядя на Сергея и его приятелей, думал, что это совсем другие люди, способные превозмочь, преодолеть трудности, опасности, жаждущие самоутверждения. Если трудностей нет – они их ищут. Найти старый автомобиль марки, которую несколько десятков лет уже не выпускают – может быть, не самое сложное. Куда трудней привести его в рабочее состояние, выискивая на рыночных развалах запчасти, списываясь с владельцами подобных раритетов в других городах, скрупулезно разыскивая недостающие глушители и родные, только так и не иначе, подфарники. Чтобы потом на этих чудах-юдах разъезжать на городских праздниках, раз в пятилетку сняться в фильме про Отечественную войну, а летом всеми правдами-неправдами вымолить у начальства пару недель отпуска или «отгулов за прогулы» и ехать далеко-далеко, чтобы покорять на первом русском «джипе» вычисленные по старым военным картам заветные высоты. В тысяче километров от столицы никакие навигаторы не работали, никакие новые атласы не могли сказать правды, – будто картографы специально зашифровали их для подобных бродяг-скитальцев – стерегли эти «белые пятна», нарочно запутывали дороги к неведомым кладам. Например, они рисовали дорогу там, где её реально не было. Да, может, когда-нибудь и проходил зимник. Но сейчас тут можно найти лишь едва уловимую тропу, теряющуюся в болотине, где автомобиль или даже конь в последний раз проходил во время Великой Отечественной. Полувековой лес, выросший на этом месте, беспристрастно об этом свидетельствовал. Так что если маяк на полуострове и стоял, то, наверное, работал только для заплутавших кораблей ленд-лиза.

В то утро мыть посуду Нюша отправила Алфея. Через пару минут до нас донеслись его вопли пополам с истеричным смехом – так у меня смеется китайская игрушка: «Ой, не могу! Море убегает. А-ха-ха! Не хочет, чтобы в нем жир плавал. Ой, держите его! Ой, один не могу!». Мы, недоумевающие, отяжелевшие от еды, пошли за ним. Действительно, море пятилось, уходило, отступало.

– Отлив!

Кто первый потрогал остававшуюся на широкой отмели еще холодную, очень нежную мелко-дисперсную взвесь из глины и песка – уже и не вспомнить. «Как сметана», – изумленно сказал брокер. Степан объяснил: «Няша. Местные жители называют «няша».– «Откуда он всё знает?» – с раздражением подумал я. Но скоро мы уже гонялись друг за другом, стараясь измазать пожирнее, бросались ею, стараясь попасть поточнее. Как пацан, бегал Сергей, а Нюша, как девчонка из детского садика, подпрыгивала, болея за него. Подпрыгивала и била ее по спине рыжая коса. Но тут Алфей подбежал и к девчонке, нехило мазнул по руке, и вот уже она, подхватив горсть убегающей сквозь пальцы грязи, погналась за обидчиком...

Весь тот день мы искали подступы к мысу. Оказалось, что это огромный каменистый горб, поросший белым мхом и соснами. И мы видели слоистые, кроховатые срезы древних отложений, огромные валуны с вросшими в камень тощими, отшатнувшимися от моря сос-

нами, которые тянулись верхушками и крючковатыми, словно изведенными ревматизмом, ветвями к большой земле. Мыс напоминал спину огромного тритона с плавником, который прорезал загустевшую болотину, да так и замер, едва сунув нос в море. В конце концов мы нашли тропинку, ведущую на мыс. Она вилась меж валунов, проходила по шишковатым от наростов корням деревьев. На лебедке можно бы перетащить автомашину через любое препятствие, но дальше снова начинались камни и сосны. Как рассказывал Сергей, хоть эти деревья довольно тонкие, их возраст исчислялся десятками лет. Годовые кольца плотно сжимались, сохраняя сердцевину от арктических ветров, и потому их древесина – твердости необыкновенной. Рубить ее – всё равно что камень: только тупить топор. Да и рубить такие деревья здесь грех... Наверно, за день мы могли бы сходить на мыс пешком – но для моих попутчиков смысл путешествия состоял в том, чтобы покорить его именно на своих авто.

И все-таки выход нашёлся. Идти к мысу нужно по обнажившейся в отлив отмели – так придумал Сергей:

– Когда вода отойдет, вдоль берега и пройдем. Сюрпризы могут быть, берег в основном – каменная стена, а на пути могут встретиться и ямы, и каменная осыпь, но можно попытаться. Обратно вернемся – ну, например, через сутки.

От простоты и парадоксальности решения все, наверное, кроме меня, пришли в восторг. Нюша целовала Сергея и кричала: «Гений, гений!» – и восхищенно смотрела на него. Дальше произошло ужасное: идти решили налегке, оставив всё ненужное в лагере. Но, кроме барахла, они решили оставить и ... ненужных людей. Тут я даже малодушно заподозрил, что Сергей всё просчитал наперед и затем-то меня с собой и взял: неспортивного, неазартного, мешковатого «ботаника» – чтобы, в случае чего, было кому сторожить лагерь. От обиды я задохнулся, отвернулся и, боясь, что сейчас зареву при ребятах, при Нюше, ушел из лагеря. Я долго брел вдоль моря, потом сидел на камне, позорно размазывал, солонее этого зеленоватого моря, слезы. Сидел, уговаривал себя – во что бы то ни стало проглотить обиду, виду не показывать. «На обиженных воду возят», как говорит моя мать. Я же кто в поездке? – турист, прихлебатель, которому предложение Сергея рвануть с ними на Севера – за счастье. А они – первопроходцы. В конце концов я собрался с духом, решив вернуться как ни в чем не бывало – будто бы собирал дрова. Решение принято, оставалось его исполнить. Но, войдя в лес, сразу забыл про свое горе, попав на небольшую полянку, красную от ягод, – их было так много, что глаза отказывались верить. По вкусу понял – брусника. Спелая, с редкими белыми бочками, очень крупная и сладкая. Ягоды висели тяжелыми кистями на небольших кусточках с жесткими листьями – я первый раз видел, как брусника растет. Раньше на рынке мать покупала у веселых, наверняка приехавших из подобных мест, теток, которые продавали её без весов, меряя стеклянными банками. Тут же, на полянке, на кочке с брусничкой, я нашел корень, очень похожий на белку. Мордочка из отломившейся ветки, глаза – лунки от выпавших сучков, даже лапки при удлиненном, слегка выгнутом тельце – были! Сучок отломился от сосны, и золотисто-рыжая кора усиливала сходство со зверьком. Я посадил белку на ветку, решив привести сюда Нюшу. Во что бы то ни стало... Когда, груженный сушняком, я пришел в лагерь, никто не обратил на меня внимания: вовсю шла подготовка к переходу. Сергей на растянутом брезенте продувал карбюратор, который, по его словам, «капитально засрало», перебирал железки, вытасканные из-под капота. Ребята вытаскивали из авто полупустые канистры и запасные колеса, инструменты и продукты, и запчасти, и сумки с вещами. Лебедку решили взять только одну. Минимум продовольствия, пару пятилитровых баллонов питьевой воды – вдруг там её нет, водки, на мой взгляд, очень много – по бутылке на нос, столько же, сколько и сгущенки, тушенки – полторы банки на нос, ещё шоколад. На каждом авто сильно приспустили колёса – так увеличивалась площадь сцепления, и проходимость по вязкому грунту улучшается. Это мы уже проходили, когда тащились по болоту.

Утром, сразу после завтрака, первой пошла автомашина Сергея – он не поленился, снял тент и прикрепил к лобовому стеклу белый клубный флаг с нарисованным козлом (рогатым и хвостатым) и надписью «ГАЗуй». Под этим флагом мы выезжали из Москвы, иногда его доставали, проезжая города. Словом, придавали торжественности моменту. Интересно, чем ближе к Северу – тем спокойней относилось к нашим «крутым», по московским меркам, тачкам, население. Или темперамент другой, или по улицам такие автомобили до сих пор тут ездят? И мы выглядели абсолютно гармонично на деревенских улицах-дорогах. Здесь, например, стали встречаться мотоциклы с колясками. Одну встречу на безлюдной дороге мы не могли вспоминать без смеха. Дедок ехал в старом, похожем на горшок, шлеме на мотоцикле «Урал» с самодельным ветровым стеклом. Выехал из-за поворота навстречу и с очень деловым видом шпарил как раз по нашей стороне, что-то высматривая в придорожных кустах, видно, не ожидал кого-то встретить в этом захолустье. Мы уж прижались к самой канаве, практически остановились, а он упрямо стрекотал лоб в лоб. В последний момент Сергей просигналил-таки. Боже мой, дед чуть в кювет не упал со своего мотоцикла. И мы, почти так же, как нам москвичи, что-то ему кричали восторженное и махали руками!

– Э-гей-гей! Денис! Береги Ньюшу! Я тебе поручил самое дорогое, что у меня есть! В случае чего – дай сигнал ракетницей – я приплыву!

Черт побери, я знал, что он это сделает, в случае чего!..

Он отъехал метров двадцать, за ним следом пошла вторая машина... Мы с Ньюшей стояли и долго глядели из-под ладоней – машины шли прямо на солнце. Затем молча вернулись в лагерь. Она обвела взглядом разбросанные вещи.

– Ну, мужики, свиньи! Такой бардак оставили после себя. Давай приберемся...

Мы стаскали вещи под навес, сооруженный на случай дождя. Разложили – железки отдельно, продукты отдельно. Потом варили обед – на сей раз на двоих – в маленьком котелке. И я думал, что готов вот так сидеть рядом и чистить картошку, и даже мыть котелок, лишь бы быть вместе с ней – хоть всю жизнь. Во время еды она вдруг вспомнила: вроде как нельзя сразу после отъезда прибираться – примета плохая. И задумалась. Я быстренько допил чай и позвал её погулять, обещая кое-что показать – облазить соседние валуны, поест брусники. Когда мы вышли на ту самую полянку, то прямо из-под ног со страшным шумом рванулись большие коричневые птицы. Ньюша отшатнулась, испугавшись, схватила меня за руку... А птицы расселись невдалеке на соснах и следили за нами.

– Кыш-кыш, кыш, – махала она руками на них. – Край непуганых идиотов!

Она умела обидные слова произносить с такой нежностью в голосе, что было не обидно. Так что на месте этих, действительно, идиотов – на них кричат, руками машут, а они только поглядывают из-под подведенных красным бровей – хотел бы оказаться я. Только не быть бы пустым местом – как часто бывало со мной в школе.

– Да ладно, смотрите, за смотрины платы не берем, нам не жалко, правда, Денис? Ой, а это что? – она нашла мой сучок и тоже в нем увидела белку... Ягодами мы наелись быстро – пожалели, что не взяли с собой котелок, решили прийти еще и сбежали к морю: прилив еще не начинался. Лишь ближе к вечеру дорога, по которой уехали ребята, окажется под водой. Море надежно отрежет нас. В той стороне, куда они ушли, над мысом было видно, как мелькали чайки. Мы быстро выкупались, потом еще долго лежали-загорали. Когда не было ветра, жара стояла просто невыносимая – если бы я точно не знал, что рядом Полярный круг – не поверил...

Я даже не знаю, как все это произошло. Сначала она мазала мне спину нежной няшей из прогретой лужи, оставшейся после отлива, потом я ее, потом стали мазать друг друга, потом мы стали смеяться, а потом начали целоваться – такие вот чумазые и скользкие, с привкусом моря на губах. Грязь засыхала на нас, стягивала кожу, а мы всё целовались – губы в губы – всё остальное-то было грязное! А потом купались в ледяном море и опять грелись на песке,

и смотрели вдаль. Ну, надо же – ни одного парохота за три дня, как мы здесь, ни одного человека – только вот эти тетерева да чайки – там, куда ушли наши, да заяц, который сидел, наострив уши, и смотрел, когда мы пробирались через топь, который никуда не спешил и ничего не боялся. Да эти морские звезды и ракушки. И мы – самые живые и молодые. И только – мысль: «А как же Сергей?» – и: «Как она со мной, если?..» – не давала мне покоя. Но день кончился – завтра должны вернуться ребята, а я становился все скучнее и злее. А она как будто и не замечала – готовила еду, разговаривала на своем птичьем языке с огнем: «Вот ведь, какой – не крапива, а жжешься», с кашей, лезущей из котелка: «Ты бежишь, и я бегу, и челочки у нас назад», с чайником: «Хватит плевать против ветра, запарил всех». И мне досталось с ними заодно: «Хватит маразмом страдать». В очередной раз, проходя мимо меня, чмокнула в затылок – точно так, как она делала, когда на этом же бревне сидел Сергей. А потом она обнимала меня – сзади, опять точно так же... А я вдруг потерялся щекой о ее руку, и меня словно токомшибануло: как Сергей! Но я так ничего не сказал ей, ничего не спросил у нее – наверное, кишка у меня тонка.

А потом, когда стемнело, в полной темноте мы опять ходили к морю – она на сей раз меня сманила. Обнявшись, долго смотрели на звезды – их были мириады...

А ночью в палатке – я уже почти спал – она вдруг спросила, мне даже показалось, что во сне: «А ты меня не оставишь? Не потеряешь? Не бросишь?» Как ей такие мысли могли прийти в голову? Как она могла такое себе навдумывать? Я ничего не сказал, только прижал ее к себе сильно-сильно...

Они вернулись, как и хотели – как только вода отошла, там, над мысом, заметались чайки, чуть позже появились темные пятнышки, из которых стала вырисовываться машины. Они шли медленно, и лишь спустя время стало видно, что первым едет не Серега, а Степа, а Серегоного «козлика» тянут на тросе.

– Опять что-нибудь с карбюратором? – озаботилась Нюша. Но случилось совсем другое. На второй машине – издали виделось, что везут жерди, но вблизи оказалось, что поперек авто закреплены носилки, на которых лежал Сергей. Мы с Нюшей побежали к подходившим машинам.

Нюша страшно кричала: «Папа, папа, что с тобой?!»

Тот, приоткрыл глаза, постарался улыбнуться – это у него плохо получалось... Она гладила его и повторяла: «Папка, папка, ну, зачем же ты так?» Меня ошеломило – как потом я понял, только меня, потому что все, похоже, знали, что Нюша – его дочь. Почему же она никогда не приходит к нему в семью? Я никогда не видал ее в доме Сергея, хотя, впрочем, на фотографиях из походов я ее видел! Понятно стало его нежное отношение к девушке, благоговение перед ней. Какой же я был дурак – парни со своими девчонками совсем не так себя ведут! Но долго думать некогда – нужно начинать срочно собираться.

Как потом рассказал Степан, когда прибыли к мысу, оказалось, что наверх ведет крутой подъем – можно было крюк бросить и на лебедке затащить, по крайней мере, тросом подстраховаться. Но Сергей решил заехать на кручу сам, без страховки. Уже на самой вершине он сильно газанул, колесо выдрало камень, нос вздернулся и «газик», помедлив, опрокинулся. Сергея выкинуло из кабны. Его везли на носилках, которые связали из жердей, для жесткости примотав его, чтобы не стало хуже – ноги не действовали, видимо, травмирован позвоночник...

– Машину не бросайте, – просил Сергей. Но отремонтировать не было никакой возможности. Только получив обещание, что, едва доставят его в больницу, ребята сразу вернутся за ней, он разрешил нам трогаться. Я тогда еще подумал, что Степан врет ему, как это часто делают с больными – из лучших побуждений.

Через всю эту топь, где машины рычали и хрипели, плевались и газовали, выдавая в липкий воздух синие облака дыма, носилки мы несли на руках. Если путь к морю нам казался адом, теперь думалось, что тогда мы шли налегке. Но, честно говоря, я благодарен мужикам,

что меня не освободили от ноши, не сделали никакой поправки. Я был в команде, наравне с другими. И я шел, пот заливал глаза, на плече от ручки носилок, казалось, лопнет кожа. Я придумывал себе, что это война, самая настоящая война, и на носилках – раненый командир. Ну, и еще всякую дурь, но с этими выдумками идти становилось легче. Дома, когда мне делалось невмоготу, как говорила Ньюша по другому поводу – когда бегали на коротких остановках в кусты, – «прихватывали комплексы», я надевал тельняшку и подолгу стоял перед зеркалом, убеждая себя, что я десантник – сильный, смелый, что все могу и все умею, ничего не боюсь, и все меня уважают. Ну, разумеется, когда мамы не было дома.

Мы все почему-то очень надеялись на вертолет и оттого шарили глазами по лоскуту безоблачного неба, синевшему между деревьями. То и дело проверяли, не появилась ли связь. Но она все не появлялась, даже когда навстречу стали попадаться местные жители. От первого же встреченного, водителя старенькой «копейки», мы узнали, что ближайший медпункт в ста пятидесяти километрах. Это уже совсем нас не пугало, хотя дорога была разбита в хлам и ехать приходилось очень осторожно.

До поселка, застроенного барачного вида домиками, добрались уже затемно. В больничке – одноэтажной и деревянной, в кабинете с покатым полом и дешевыми обоями пожилая врачиха после осмотра Сергея разговаривала с Ньюшей. Та позвала меня и Степана. Оказалось, что рентгена нет, но и без него видно, что случай сложный, и медлить никак нельзя. Прямо при нас она очень долго пыталась связаться с кем-то по военной рации. В конце концов выкружила вертолет: утром газовщики летали куда-то за питьевой водой для своих офисов, и она договорилась: Сергея заберут. В Архангельск улетала и Ньюша. Узнав, что она дочь, её взяли на борт. Еще сутки мы вытягивали через болота Серегин автомобиль. Потом ребята пытались вправить обратно кардан – но опять ничего не получалось, и они договорились оставить машину у дома той же врачихи: «Никуда не денется эта колымага, кому такой металлолом нужен? Ох уж эти москвичи! А говорят, Москва богато живет. Тоже мне, «богачу – наворочу».

Обратно возвращались молчаливые, сильно гнали, мужики менялись за рулем, перекусывали на ходу, практически не делая привалов – у Степана кончались отгулы. Когда въезжали в Москву, то почти не отвечали сигнальщикам всюю москвичам, радостно махавшим нам из своих необыкновенно красивых и, наверное, комфортных иномарок. Кое-кто из них не ленился приспустить затемненные стекла и высунуть разномастные поднятые вверх большие пальцы. Но наш флаг со сломанным древком лежал где-то глубоко под вещами.

Жену Сергея дома я не застал – ей позвонили из Архангельска, и она сразу туда уехала. А вскоре я уходил в армию. Когда через год пришел в отпуск, в квартире Сергея жила другая семья – пожилой дядечка с красавицей-женой и крошечной дочкой. Оказалось, Сергею на лечение требовались деньги. Жена решила продать квартиру в городе и купить что-нибудь подешевле, в Подмоскovie. Куда они переселились – ни моя мама, ни соседи не знали. Я ездил в автосервис, где раньше работал Сергей, – там поменялся хозяин, и весь коллектив обновился, всюю орудовали гастарбайтеры. Съездил к гаражам, откуда год назад начинался наш поход. Но там никого не было видно, а трава, вылезшая из щелей между воротами и асфальтом, доказывала, что тут давненько никто не появлялся.

Но с выбором профессии я определился. Нет. Я не художник и не компьютерщик, не ремонтник автомобилей и даже не профессиональный путешественник. Я буду врачом санитарной авиации или стану работать в бригаде спасателей. Чтобы, оглядывая с небес дали, вывозить к жизни усталых людей. Лечить Серегу, чтобы не пришлось продавать его жене квартиру.

Я уже уезжал на вокзал, когда мать вдруг подала мне несколько конвертов: «Извини сын, меня, дуручку, жизнью битую. Мне казалось, что мужчине, чтобы развиваться – свобода нужна. Так я и твоего отца отпустила – не боролась за него. И зря, наверно – ведь мужики народ куда хлипче нас, женщин. Спился твой отец, потерялся, сгинул. Думала, ты – молодой, тебе же еще учиться нужно, некогда о других думать, семью заводить... Но тут решила – вдруг со мной что

случится, один ты на свете останешься. Если она хороший человек, девчонка та твоя, держись за нее. Это, видать, эгоизм родительский во мне говорил».

Письма были от Нюши. Адрес ей, конечно, подсказал Сергей. Она, как и хотела, в этом году учится уже по двум специальностям, будет психологом и логопедом. Про отца пишет, что ему лучше жить в своем доме, где можно выбираться в сад. Приложила фотку – рыжая, больше-рогая, как всегда, улыбается на все сто, самая милая, моя дорогая; она сзади обнимает Серегу, а тот, как обычно, с достоинством принимает ее любовь и держит за руку свою Надежду – та немного похудела. На заднем плане – зеленые кусты, яркие цветы – это, наверное, и есть их сад. Она, оказывается, бывает у отца каждое воскресенье...

Нюша успела прибежать на вокзал. Косы у нее не было, от прически прежней осталась разве что челка. Когда поезд тронулся, она шла до самого конца перрона за вагоном, а в руках ее прыгала та белка, которую мы вместе нашли на брусничной поляне, – сначала нашел я, а потом – она.

Онуфрий

– Мама, дай мне небольшой пакетик целлофановый, бумаги упаковать.

– Иконку возьми... – вместе с пакетом мать протянула картонку размером с карманный календарик.

Покупая иконы в местном храме, она снабжала ими всех родственников: привозила, приезжая в гости, дарила всем уезжающим «в дорожку», каждому – на именины, всем – в машину и портмоне. Эта икона, видимо, была специально для охоты.

Водительское удостоверение, охотничий билет, разрешения на оружие и на добычу водоплавающих и мамину иконку он аккуратно завернул в целлофан и заклеил скотчем: не дай Бог, подмочишь документы, краска печатей потечет – потом запаришься по инстанциям бегать, восстанавливать.

...Однако охота не удалась. Все хлопоты с зарядкой патронов, запасом питания, дорогой на озеро – без малого сотня километров по разбитой грунтовке – шли коту под хвост. Всему виной пронизывающий ветер и дождь. С низкого, клочковатого неба того гляди сыпанет, как дробью нулевого номера, снежной крупой. Какие тут утки? Опоздали в этом году объявлять охоту. И он резко развернул легкую, послушную лодку к берегу.

И тут она с чем-то столкнулась. Он почувствовал удар в её накачанный до легкого гула бок и краем глаза заметил, как в темной воде пошло в сторону и вглубь серое тело, по всей видимости, топляк. Дрейфующими корягами, как гигантский аквариум хищными рыбами, как нейтральные воды подводными лодками, было заселено это озеро. Шотландских аборигенов стоило бы переселить сюда – подозрительным жителям окрестностей озера Лох-Несс тут куда больше простора и поводов для фантазий. Своих аборигенов здесь не было. Лет сто назад к разрушенному монастырю, чьи развалины были видны из любой точки озера, в праздничные дни стекались тысячи прихожан. А сейчас на берегах появлялись люди лишь для рыбалки и охоты да во время ягодного сезона.

Озеро, образованное на месте гигантского следа последнего ледника, зарастало. На низких берегах рос белый мох, над ним стояли сосны, которые особо морозными зимами вымерзали. К лету на погибших деревьях жухла хвоя, она осыпалась, потом медными пластинами слетала кора, а потом и стволы – уже серебристые, в сухую погоду почти белые, похожие на скелеты гигантских рыб, со смертным скрипом падали в воду...

Поэтому на надувной лодке в озеро лучше бы не соваться. Рыбаки прямо на берегу сделали пару долбленок из стволов осины, для устойчивости укрепив по бокам длинные доски, и пользовались, как при социализме, – по потребности. Но сегодня такой лодки ему не досталось. На озере собирали клюкву приехавшие из города «синяки», работавшие тут в основном за дешевую водку. Они заняли охотничью избушку, и кто-то из заготовителей с утра уплыл на мысы – на плавучие, плотно сотканые из корней водных растений, острова, где клюква родилась необыкновенно крупная даже в неурожайные годы.

А он, отчаявшись с берега разглядеть спрятавшихся от непогоды уток, решил пройти вдоль прибрежного камыша на привезенной из дома «лягушке», взятой, чтобы доставать дичь из воды – если охотишься без собаки, нет ничего обидней, когда добычу уносит прочь сговорившийся с течением ветер. Проплыл он немало, но так и не увидел ни одной птицы. Уже сбившиеся в стаи, утки, видимо, прятались от непогоды на другом, подветренном берегу. Он захотел сплавать до ближайшего мыса, но на полпути передумал – волна поднимается, и вот так рискованно повернул... Он опустил весла в воду, чтобы падающие капли не мешали слышать, напрягся – и да? или ему показалось? – уловил еле уловимое шипенье, похожее на звук потревоженной гадюки. Неужели прокол? Лодка была самая дешевая, одноместная, купленная для летних забав детей да для рыбалки на речушке под окнами дачи. И если воздух из нее начнет выхо-

дить, то выйдет весь: нет в ней запасных секций, какие бывают у подводных лодок и огромных кораблях, где за счет герметичных отсеков можно сохранить плавучесть... Несколько секунд он не верил своим ушам, трогал ногой борт – не ослабел ли? Потом вспотел, потому что да, да, борт стал чуть-чуть мягче. Или опять показалось? И он метнулся от весел к борту, и зачем-то закрывал ладонью, нет, не дырку, а невнятную царапину на резине. Почему-то вспомнились космонавты, которые погибли из-за разгерметизации спускающегося корабля, и кто-то говорил – «пальцем могли бы дыру зажать»... Мозг лихорадочно работал. В его рюкзаке, лежавшем в лодке, был коньяк во фляжке из нержавеющей стали, и с любовной гравировкой стаканчик, и хлеб, и пара вакуумных упаковок его любимого бекона, и набор манков, и коробки патронов, снаряженные всеми номерами дроби и даже пулями, запасные носки, и нож в чехле из рыжей кожи буйвола, и такой же ягдташ... Было всё, но не было липкого клейкого листа пластыря, липкой заплаты, набора типа «Скорая помощь лодке». И потому борта лодки обмякали, из них медленно, но верно уходила уверенная упругость и сила, и он, чертыхнувшись, метнулся обратно за весла, и лихорадочно, рывками стал грести к берегу. Лодка пошла по густой, словно готовой замерзнуть воде, медленно, но верно набирая ход. Он энергично, мощно, помогая всем телом, греб, всё сильнее потея, но расстояние до берега почти не уменьшалось и темная полоса невразумительных камышей казалась недостижимой.

Он уже не ощупывал борта – просто чувствовал, что дно лодки всё мягче, а на бортах появились заломы, которые становились всё глубже и глубже. И вот уже через них плеснуло водой, и еще, и еще. И вот борта опали так, что вода зашла в лодку, и он оказался сидящим на надувной подушечке в воде. Спасая ружье, он закинул двустволку за плечо и снова продолжал грести, глядя, как темнеет, набирая воду, его рюкзак. Но вот при откидывании назад замочило низ спины, еще пять мощных гребков – и ледяная вода обожгла тело. Он вскочил, дно под сапогами глубоко ушло вниз, а лодка сразу сбросила ход. Он вытащил весло из уключины и пытался, как индеец, грести стоя. Нос и корма двумя пузырями торчали на поверхности, он отчаянно работал веслом, до тех пор, пока не понял, что почти стоит в воде, а полузатонувшая лодка никуда не движется. Он глянул на рюкзак, выплывающий из лодки, скинул с себя ватник, помедлил, решая – брать или не брать ружье, подарок, штучного исполнения, в конце концов закинул его за спину и бросился в воду – хотел оттолкнуться, но лишь отпихнул от себя зеленое полотнище с остатками воздуха. С ружьем пришлось попрощаться почти сразу – оно не давало плыть. Холод железными обручами стянул грудь, стало тяжело дышать, сапоги наполнились водой, и он стащил левый, со вторым пришлось повозиться, но вот и он бесшумно скользнул в глубину, блеснув глянцевым боком. Где-то маячила земля, и он экономно плыл, стараясь не выложиться сразу. Как на марш-броске в армии – главным было рассчитать силы. Хотя он знал, что секундомер включен, – в ледяной воде всё решает время. Впрочем, морякам с «Комсомольца» в Норвежском море в ледяной воде наука давала не более шестнадцати минут жизни, но они продержались восемьдесят. Правда, выжили только невысокие и плотные, совсем не такие, как он – тощий и звонкий, как алюминиевое весло. Но об этом он старался не думать. От методичности, от того, что курс он держит точно на приметное дерево, чуть левее развалин монастыря, у него появилась уверенность, что доплывет. Но вдруг судорога с резкой болью пронзила ногу. Он подтянул колено к животу, изо всех сил одной рукой тянул стопу на себя, а другой – то бил кулаком, то щипал ставшую деревянной икру и по-звериному кричал...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.